

Тетради

Русской экспертной школы

2017 № 1

Москва
Русская экспертная школа
2017

УДК 316.75(470+671)
ББК 60.0(2Рос)
Т37

Партнёры:

Всемирный русский народный собор
Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Т37 **Тетради Русской экспертной школы № 1** : научное издание / Авт.-сост. В.А. Щипков. – М. : «Русская экспертная школа», Пробел-2000, 2017. – 120 с.

ISBN 978-5-98604-593-1

Первая Тетрадь Русской экспертной школы представляет собой сборник экспертных комментариев, обсуждавшихся во время лектория Школы, посвящённого консервативным мировоззренческим процессам в современной России. В этом номере рассматриваются следующие вопросы: что такое «консервативный поворот», как тема революции отражена в русской мысли, что связывает Трампа и Россию, есть ли на Донбассе идеология, какие типы консерватизма существуют в России, почему русский писатель проходит путь от бунта к традиции и что такое «постсекулярный язык».

Наши электронные контакты:
ruseschool@yandex.ru
vk.com/ruseschool

ISBN 978-5-98604-593-1

© Русская экспертная школа, 2017.
© Щипков В.А., 2017.
© «Пробел-2000», 2017.

Содержание

О Русской экспертной школе 5

А.Ю. Минаков

Типология консерватизма в современной России 8

А.П. Козырев

Революция и русская мысль 35

К.С. Бенедиктов

Трамп и Россия 57

М.В. Ремизов

Консервативный поворот 78

Д.О. Бабич

Путь русского писателя: от бунта к традиции 94

В.А. Щипков

Постсекулярность и язык Церкви 113

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ И ЯЗЫК ЦЕРКВИ

В XX веке под влиянием процессов глобализации и интенсивного взаимодействия людей разных культур популярными стали исследования в области «межкультурных коммуникаций». Они основывались на подходе, что преодолеть межкультурные, междивизиационные и даже межпоколенческие конфликты можно только в том случае, если люди научатся читать культурные коды друг друга.

Но с кризисом «мультикультурализма» снова пришло понимание, что чтение культурных кодов не достаточно для преодоления конфликтов и кризисов, и что язык — понятие не относительное и не условное. Язык — это способ мыслить и действовать, который включает в себя культуру, веру, глубокие пласты традиции, идеологию и мировоззрение. Когда эти элементы становятся частью языка, они перестают осознаваться: из того, что мы познаём, превращаются в то, как мы познаём.

Сегодня западная культура и социальная мысль переживают кризис. Язык «демократических ценностей», «правового государства» и «гражданского общества», несмотря на свои несомненные достижения в прошлом, теряет авторитет и силу, перестаёт быть нормативным и объединяющим. Новые понятия появляются медленно: большинство из них носит приставки «пост» и «транс», прибавляемые к старым, уже плохо работающим концептам. Так, сначала возник «постмодерн», потом «постпостмодерн». Так же возникли слова «трансгуманизм» и «постсекулярность». Иногда эти приставки используются, чтобы скрыть истинное, шокирующее значение замещаемого слова, иногда, если новое слово ещё не появилось. В итоге современное об-

щество живёт в ситуации сильной иносказательности: мы используем слишком много кавычек, уточнений и приставок «пост». Эти противоречия в современной культуре приводят к глубоким нарушениям социальных связей внутри общества, к нестабильности на международном уровне, а также к кризису ценностей и целей внутри отдельной личности.

Россия в числе первых остро почувствовала эти опасные тенденции. В XX веке мы дважды пережили глубокий разрыв традиции и хорошо помним, что кризис ценностей как в 1917, так и в 1991 году в конечном счёте искупается миллионами человеческих жизней.

Российское общество в последние годы стало искать и формулировать новый язык, что выразилось в небывалом для истории нашей страны всплеске политических дискуссий, сравнимых лишь со временем конца XIX — начала XX веков. В отличие же от столетней давности, развитие общественной мысли сегодня происходит на фундаменте общенародного консенсуса, что во многом оберегает это развитие от авантюрных и деструктивных траекторий.

До сегодняшнего дня мы разговаривали на языке, окончательно сформированном во второй половине XIX и начале XX века. Признаки будущего языка двадцатого столетия были зафиксированы литературой века XIX и хорошо известны нам по русским классическим произведениям. В трудах Герцена, Достоевского, Лескова, Тургенева, Гончарова, а также в публицистике и философских трудах тех времён уже употребляются хорошо известные сегодня термины — социализм, коммунизм, демократия, либерализм, права, нация, прогресс, империализм. Ещё до начала Серебряного века и Первой мировой войны, ставшей точкой отсчёта новой реальности, эти термины стали употребляться в том смысле, в котором мы их понимаем до сих пор. Безусловно, все они были позже отягощены политическими процессами двадцатого века, но в своей смысловой основе остались теми же. Термины и понятия наступавшего столетия магически воздействовали на людей — они воодушевляли и захватывали.

В переломные периоды истории язык переживает глубокую трансформацию. Более того, внутренние ценностные изменения языка часто искажают и его физические формы: грамматику, орфографию, фонетику и даже шрифт. В начале прошлого столетия русский язык сполна испытал на себе эти трагические перемены. Вспомним новояз. Или, например, попытку заменить дни недели революционным пятидневным календарём, в котором не было ни воскресенья, ни субботы. Или авангардизм и обэриутство в поэзии, которые на теле культуры словами высекали новые параметры красоты. Обэриуты так говорили о себе: «Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и созидатели нового ощущения жизни и её предметов». Трудно ответить на вопрос, кто кого созидал: поэты время или время поэтов. Но то, что время наполнилось новым духом, тогда ощущали все. Натиск этого нового духа на русский язык был настолько сильным, что тот навсегда изменил свой облик, разделив историю народа на «до» и «после».

Сегодня мир рывками вступает в XXI век, что отражается и на современном общественно-политическом языке. Россия перешла в новое столетие в 2014 году после возвращения Крыма, Великобритания начала это движение 23 июня 2016 после решения выйти из ЕС, США — 9 ноября 2016, когда выбрали своим президентом Д. Трампа, Куба — 25 ноября 2016 года с кончиной Фиделя Кастро. Европейские государства, испытывающие кризис идентичности и политической терминологии, всё ещё в процессе этого перехода.

Итак, главный вопрос: на каком языке будет разговаривать XXI век и какие ценностные категории в нём будут востребованы?

У нового языка будет несколько характеристик, из которых я хотел бы рассмотреть сегодня одну — религиозную. Язык XXI века можно с уверенностью назвать постсекулярным, в том значении, что он приходит на смену секулярному языку, который пытался в прошлом веке вытеснить религию из «светского» пространства. Назовём три источника этого языка.

Одним из них является неоязычество, вдохновляющее неонацизм и возрождающее праворадикальные идеи и регионализм. Его энергия способна воодушевлять футбольных фанатов на радикальные акции протеста и даже устраивать революции в столицах современных государств. В неоязыческом символизме черпают вдохновение многие современные правые политические партии, а также движения регионалистов, выступающие по всему миру за усиление автономии своих локальных регионов. Если первые стремятся к усилению национальной независимости от различных глобальных структур, то регионалисты обосновывают своё право на независимость от самих национальных государств. Регионалисты опираются на новые региональные мифологии, с помощью которых конструируют и сакрализуют новые региональные идентичности. Земля в регионализме снова приобретает дохристианское метафизическое значение, здесь именно она формирует идентичность. Такому взгляду на регионализм посвящена недавно вышедшая при поддержке МГИМО и ВРНС книга «Регионализм как идеология глобализма» (В.А. Щипков, 2017).

Второй источник языка XXI века — терминология исламских традиций. Последние годы международный терроризм активно пытается присвоить себе этот язык. Необходимо признать, что как бы риторика запрещённого в России ИГИЛ ни резала европейский слух, её притягательная для некоторых людей энергетика объяснима и понятна. ИГИЛ стало открыто говорить с постхристианским обществом на шокирующем его языке религии и религиозных ценностей, давая собственные идеалы красоты, справедливости, добра и зла. Без политкорректности и кавычек. Западной секулярной культуре нечего противопоставить этому языку. Люди попадают под влияние идеологии ИГИЛ, потому что она даёт свою целостную, религиозную картину мира, отсутствующую в современной культуре постмодернистского релятивизма. Вот некоторые названия номеров игиловского англоязычного интернет-журнала «Дабик», используемого

для вербовки сторонников: «Потоп», «Провалившийся крестовый поход», «Закон Аллаха или законы людей», «Разбить крест». А такие выражения, как «кровь праведников», «джихад благочестивых», «борьба с армией крестоносцев», «апостасия» (отступничество от Бога) звучат сегодня сильнее, чем гуманистические идеалы и даже сильнее, чем провокационное творчество карикатурного журнала «Шарли». Терминологии ИГИЛ и других исламистских проектов может быть противопоставлена только религиозная терминология. В борьбе с языком террористов необычайно укрепится язык мирного ислама, который будет претендовать на монополию религиозных и мировоззренческих споров с исламистами и в конечном счёте формулирует свой, уже мирный проект по реформированию западной культуры.

Одновременно с этим в христианских и постхристианских странах начинается процесс религиозного возрождения. Христианская традиция — это третий источник.

Как и сто лет назад Россия сегодня первой начинает говорить на новом языке. После перестройки, празднования 1000-летия крещения Руси и завершения советского периода наступила новая эпоха и пришло иное мироощущение, которое непосредственно отразилось на языке народа. Помимо массы англоязычных терминов, неотъемлемой частью современного русского языка стали церковные, религиозные и богословские термины, полностью вышедшие из употребления в предыдущие годы. Стали звучать привычно названия православных праздников, церковных чинов, богослужебных предметов. В общественном пространстве распространился язык проповеди, в основании которого лежат термины и цитаты из Писания и Предания. Восстановленные храмы преображают язык социокультурного ландшафта современных российских городов, а сонм прославленных новомучеников и исповедников российских восстанавливает духовную связь российской истории и является живой силой религиозного возрождения в обществе.

Постсекулярные изменения в современном языке связаны не только с возвращением нескольких десятков дореволюционных терминов, таких как «духовенство», «пост», «прихожане», «паломничество», но и с наполнением важных светских понятий новым, религиозным звучанием. К ним относятся «семья», «вера», «мир», «справедливость», «свобода», «милосердие», «самоограничение», «жертвенность», «единство» и другие слова. В российских официальных документах и публицистике их всё чаще называют традиционными ценностями.

Традиционные ценности, в основе которых лежат христианские добродетели, приобретают в нашу эпоху особенно важное звучание. За отстаивание и сохранение этих ценностей, как за драгоценный источник, будет разворачиваться противостояние в новом столетии.

О росте значения языка традиционной морали свидетельствует степень агрессивной реакции на этот процесс. Скандалы, связанные с законом о запрете пропаганды идей «лгбт» среди несовершеннолетних, законом о защите чувств верующих, с осуждением спектакля «Тангейзер» или фильма «Матильда» — это не околоцерковные конфликты. Речь идёт о глубоком культурном конфликте между религиозным языком и секулярным языком либерального модерна, а также о процессе замещения первым второго.

Уже несколько десятилетий политические философы говорят о кризисе идей Просвещения, модерна и его постмодернистских форм. Но после кризиса неизбежно наступает новая реальность, в основе которой лежит новый язык.

Для России новый язык — это наполнение известных понятий традиционным, в первую очередь христианским смыслом. Это восстановление современного культурного пространства, уставшего от агрессивных идей модерна и постмодерна.

Но новый язык не появляется сам собой. Он возникает из речи и слов. В связи с этим вырастает роль «переводчиков» — современ-

ного экспертного сообщества. Поэтому задача Русской экспертной школы не обучить конкретным навыкам и даже не дать конкретные знания. Задача — научиться восстанавливать связь между словами и их содержанием, научиться называть вещи своими именами.